

УДК 81 272

МНОГОЯЗЫЧИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ МИГРАЦИИ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

MULTILINGUALISM OF POST-SOVIET MIGRATION:
FUNCTIONAL ASPECT

Эржен В. Хилханова

Институт языкознания РАН, Российская Федерация

Erzhen V. Khilkhanova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

В статье использованы результаты проекта, направленного на изучение связи языка и этнической идентичности нерусских иммигрантов из бывшего Советского Союза в странах Западной Европы. Делается вывод, что, с одной стороны, мигранты первого поколения «экспортируют» сформировавшиеся в родной стране паттерны использования Я1 (этнического языка) и Я2 (русского языка), с другой стороны, в инокультурной среде происходит трансформация имеющихся и появление новых функций и значений Я1 и Я2. Относительно Я2 автор делает два основных теоретических вывода: 1) о «второй жизни» советской концепции русского языка как языка межнационального общения и 2) о выполнении им функций inner language — языка, используемого для «внутренних» целей: общения с людьми из постсоветского пространства, разделяющими общее прошлое и опыт социализации.

Ключевые слова: нерусские мигранты, Западная Европа, бывший Советский Союз, Казахстан, Россия, этнические языки, русский язык, inner language, outer language

The article uses the results of a project aimed at studying the relationship between language and ethnic identity of non-Russian immigrants from the former Soviet Union in Western Europe. It is concluded that, on the one hand, the first-generation migrants «export» patterns of using L1 (ethnic language) and L2 (Russian language) formed in their native country. On the other hand, in a foreign cultural environment there is a transformation of existing and appearance of new functions and values of L1 and L2. Regarding L2 the author draws two main theoretical conclusions: 1) in a migration situation, the Soviet concept of the Russian language as a language of interethnic communication receives its «second life», 2) L2 fulfills the functions of the inner language — the language used for «internal» purposes, that is, for communication with people from the post-Soviet space sharing a common past and socialization experience.

Keywords: non-Russian migrants, Western Europe, former Soviet Union, Kazakhstan, Russia, ethnic languages, Russian, inner language, outer language

1. Введение

В данной статье использованы результаты проекта, направленного на изучение связи языка и этнической идентичности нерусских иммигрантов из бывшего Советского Союза в странах Западной Европы, для которых вопросы языкового и этнического самоопределения более сложны, чем для чаще исследуемых в миграционном контексте представителей русского этноса. Проблематичный характер связи языка и этнической идентичности у этой группы отражается в самом термине *русский*, используемом как в повседневной речи, так и в научной литературе в отношении всех иммигрантов из этого региона, хотя они представляют собой гетерогенную и многоязычную группу людей, и связь между языком и этнической идентичностью среди них отнюдь не однозначна. Двойственность понятия *русский* связана и с тем, что, во-первых, в большинстве западноевропейских языков нет появившейся в перестроечное время дифференциации между понятиями *российский* и *русский*, где первое обозначает гражданство, а второе — национальность, напр., Russian в английском, Russisch в немецком; во-вторых, играет роль и разница, вкладываемая в понятия *nationality*, *ethnicity* в английском языке, и *национальность*, *этничность* в русском языке (подробнее см. об этом, напр.: [Лурье, 1994]).

Цель моего проекта заключалась в изучении процессов определения и (ре)конструкции этнической идентичности и ее связи с языком у иммигрантов нерусского происхождения из бывшего СССР и постсоветской России, которые эмигрировали в страны Западной Европы в перестроечные и постперестроечные годы, до эмиграции были объединены общей (советской) культурой и сходством языковой ситуации, но имели другую этническую принадлежность. Под сходством языковой ситуации понимается то, что каждая этническая группа имела свой этнический язык (Я1), по крайней мере, на символическом уровне, владела русским (Я2) и говорила/начала говорить на языке принимающей страны (ЯЗ-п)¹. Проект (как видно и из названия и заявленной цели) носит междисциплинарный характер и находится на стыке социолингвистики, лингвистической антропологии, культурной антропологии, затрагивая также предметные поля других смежных дисциплин, таких, как этносоциология.

Несмотря на значительный масштаб и этническую неоднородность русскоязычной миграции как в Европу, так и в другие страны, этничность мигрантов мало интересовала ученых. Исключение составляют три группы: российские евреи [см., например: Юхнева, 1999; Ben-Rafaelet. al., 2006], этнические русские [Русский мир в меняющемся мире, 2018; Isurin 2011] и российские немцы [Кресс, 1995; Buehler, 2005; Dietz, 1999]. В одной из новейших публикаций на данную тему — книге В.Д. Попкова «Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии» — объектом исследования, наряду с традиционно популярными «русскими немцами» и «русскими евреями», является и такая группа, как «россияне». Этническая принадлежность членов этой группы, однако, автором не указывается, а критерием выделения ее в отдельную группу автор считает то, что никто из них не попадает под действие про-

¹ Под ЯЗ-п имеется в виду язык/языки принимающей страны в лингвистическом репертуаре мигранта. Таких языков зачастую больше, чем один, поэтому использована буква п для обозначения неопределенного множества.

грамм приема мигрантов по признаку документального подтверждения требуемой этнической идентичности, как в случае с «русскими немцами» и «русскими евреями». Тем самым в условную группу «россиян» попадают мигранты, прибывшие в Германию как из России, так и из других ныне независимых стран, возникших на пространстве распавшегося СССР [Попков, 2016: 166]. И, наконец, в почти необозримом море работ по русскоязычной миграции отдельно следует выделить сугубо лингвистические исследования, которые концентрируются, например, на структурных изменениях, происходящих в русском языке эмигрантов [Anstatt, 2012; Besters-Dilger, 2013; Гловинская, 2004; Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты, 2001 и др.].

Для сбора данных по проекту в 2016 г. было проведено полевое исследование в странах Западной Европы, преимущественно в Германии и Франции, с использованием метода полуструктурированного интервью и включенного наблюдения. В целом было опрошено 26 информантов, из них родившихся в РСФСР (Бурятия и Якутия) — 24, родившихся в Казахской ССР/Казахстане — 2. Безусловно, наблюдается перекося в сторону российского ареала, что объясняется как сложностью сбора данных среди мигрантов, так и достаточно короткой (3 месяца) продолжительностью полевого исследования. Учитывая это, выводы делаются в основном на российском материале. Другой важной особенностью выборки является то, что в ней преобладали хорошо образованные люди (7 информантов имели степень кандидата наук или PhD, 17 — высшее образование и 2 — среднее профессиональное образование). Это можно рассматривать как погрешность выборки (*sampling bias*), которая, впрочем, элиминируется, если рассматривать генеральную совокупность как *интеллектуальную миграцию* (об определении интеллектуальной миграции см.: [Интеллектуальная миграция в современном мире, с. 21] ²).

Из миграционных исследований известно, что миграция в первом поколении принципиально ничего не меняет в языковом репертуаре личности и группы, существенные изменения происходят только у следующих поколений, в частности, в третьем поколении язык страны происхождения теряется и происходит практически полная языковая ассимиляция [Buehler, 2005; Кондратьева, Новоженова, 2006]. Тем не менее постсоветская миграция крайне слабо изучена с точки зрения многоязычного лингвистического репертуара мигрантов и того, что с ним происходит при попадании в инокультурную и иноязычную среду за рубежом. Это наблюдается и в том, что в вышеупомянутых исследованиях речь идет только об одном родном языке, и авторы даже не упоминают то, что «родных» языков у мигранта может быть несколько, как это часто имеет место у мигрантов из интересующего нас региона.

Специфика исследуемой группы мигрантов, с одной стороны, объединенной страной происхождения и культурой (включая язык), а с другой стороны — от-

2 Можно предположить, что характер выборки повлиял на выбор мигрантами стратегий адаптации, но подробный разбор стратегий адаптации выходит за рамки лингвистической статьи; скажем только, что представители данной группы достаточно успешно интегрированы в принимающие сообщества (в частности, не работающих из них было только трое, двое из которых не работали временно из-за маленьких детей).

личающейся этнической принадлежностью, привносит нечто новое в понимание того, как устроено и как функционирует многоязычие в современном мире в целом, в миграционном контексте в частности и — еще уже — внутри такой категории мигрантов, как мигранты из бывшего СССР. Исходя из этого, целью исследования было выяснить, сохраняется ли данный лингвистический репертуар и распределение языковых функций при переезде в другую страну, происходят ли с ним какие-либо трансформации и, если происходят, то какие. Об этом и будет сказано далее. Прежде, однако, следует определиться, с каким именно лингвистическим «багажом» данная группа мигрантов выехала за рубеж. Поэтому рассуждения на эту тему мы начнем с краткого описания языковой политики Советского Союза и языковой ситуации среди нерусских национальностей бывшего СССР.

2. Лингвистическая предыстория

Ситуация взаимоотношения русского языка и других языков Советского Союза известна и описана в огромном количестве научных работ. Думается, что на сегодняшний день достигнуто согласие касательно направленности и характера языковой политики того периода как со стороны ее приверженцев, так и критиков. Мы полагаем, что при отсутствии прямого давления или принуждения к изучению русского языка вся система была построена так, что каждый должен был овладеть им. В результате сложных процессов, шедших как «сверху», так и «снизу», ассимиляция (русификация) имела место, и русский язык стал ее ключевым инструментом [см. также: Алпатов, 2013: 22; Смерть языка... 2019: 45].

Однако, несмотря на этноязыковую политику советского государства и прагматически мотивированного выбора многих граждан в пользу русского языка, этносы пережили частичную или полную утрату этнических языков, что подтверждает конструктивистские подходы в объяснении связи языка и этнической идентичности. При этом существовала разница между степенью ассимиляции в союзных республиках бывшего СССР и РСФСР. Титульные нации союзных республик — армяне, узбеки, казахи и другие национальности, безусловно, имели больше возможностей для сохранения своей этнической идентичности и языка по ряду причин, в первую очередь благодаря более высокому административно-политическому статусу союзной республики и большей численности титульной нации, чем в автономных республиках.

В РСФСР же и в постсоветской России произошла сильная трансформация идентичности этнических меньшинств, иногда проявляющаяся в конфликте идентичностей, негативной идентичности и т. д. [подробнее см., например: Хилханова, 2009]. Отношение к этническим языкам также демонстрировало широкий диапазон от очень позитивного до игнорирования или негативного отношения. В целом, к моменту эмиграции у исследуемой группы было налицо значительное несоответствие между этнической и лингвистической идентичностью.

Мы намеренно не употребляем в нашем исследовании термин «родной язык» ввиду его слишком большой неопределенности как инструмента научного анализа

и неотражения в нем всей сложности ситуаций с владением языками как на индивидуальном, так и на групповом уровне не только на постсоветском пространстве, но и в других странах мира [см. также: Тишков, 2019]. Используемые нами обозначения Я1 (этнический язык) и Я2 (русский язык) также в определенной степени условны: во-первых, русский язык — также этнический язык, и такая интерпретация (только в терминах родного языка) лежит в основе известных поправок к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», вошедших в силу в 2018 г., и об этом также говорится в вышеупомянутой статье В.А. Тишкова [Там же, с. 130]; во-вторых, многоязычная компетенция жителей бывшего СССР варьировалась во всевозможных комбинациях, включая полный координативный билингвизм (когда трудно выделить, какой из языков первый и какой второй), функциональное замещение первого языка вторым на протяжении жизни индивида и группы (когда Я1 и Я2 меняются местами) и т. д. Поэтому обозначения Я1 как этнического языка и Я2 как русского языка были взяты в качестве некоего идеального отправного пункта.

3. Этнический язык (Я1) в миграционном контексте

Описанная в параграфе 2 макроуровневая картина владения языками в бывшем Советском Союзе полностью отразилась и в нашем микроуровневом корпусе. Исходя из сведений о языковой компетенции в Я1, опрошенных можно разделить на три группы:

- 1) с высокой степенью владения Я1 (владение всеми речевыми навыками; у некоторых затруднения с письмом в силу отсутствия формального образования на Я1) — 11 человек (9 из России и 2 из Казахстана);
- 2) со слабой степенью владения Я1 (говорение на уровне отдельных слов и выражений, частичное понимание, отсутствие навыков письма и чтения) — 8 человек;
- 3) не владеющие Я1 — 7 человек.

В социолингвистической литературе различают четыре подхода, или отношения к миноритарным языкам, имеющие место между и внутри групп этнических меньшинств. Они включают в себя:

1. Негативную оценку языка.
2. Индифферентность, когда у людей нет интереса к языку и, соответственно, к его поддержке.
3. Общую позитивную оценку — рассмотрение языка как важного элемента этничности в сочетании с личной неготовностью учить его.
4. Личную позитивную оценку — рассмотрение языка как основной культурной ценности и реализация этой позиции на практике [Smolicz, Secombe, 1998: 13].

В другом исследовании, проведенном автором данной статьи в 2004–2006 гг. в этнической Бурятии³, было выявлено исключительно позитивное отношение к бурят-

3 Под этнической Бурятией в современной монголистике понимается регион компактного проживания современных бурят на территории Российской Федерации. Этот регион включает в себя Республику Бурятия, бывший Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (ныне часть Иркутской области) и Агинский Бурятский автономный округ (ныне часть Забайкальского края). Таким образом, в основе выделения данного региона лежит не административно-территориальный, а более подходящий для целей социолингвистического исследования этноязыковой принцип.

скому языку, без какой-либо негативной оценки или индифферентности. При этом превалировал третий подход. Как мы отмечали, «... о личной позитивной оценке говорить пока не приходится. Характерно также то, что число людей, ожидающих от детей владения бурятским языком, явно больше числа людей, предпочитающих этот язык для себя лично. Отношение к бурятскому языку членами этнической общности заключается именно в общей позитивной оценке — рассмотрении языка как важного элемента этничности в сочетании с личной неготовностью учить его и — добавим — учить ему своих детей» [Хилханова, 2009: 254].

В последние годы, однако, появились люди, реализующие и четвертый подход. По нашим данным и данным других исследователей языков России, растет количество «низовых» инициатив (*grassroots initiatives*) — людей как начинающих учить миноритарные языки, так и инициатирующих разные проекты в области их продвижения и сохранения. Зачастую это молодежь, которой этнический язык не был передан «естественным» путем, но поиск своей идентичности в глобализованном мире заставляет их к нему обратиться. Новое поколение выбирает и новые стратегии изучения, сохранения и продвижения этнических языков, делая ставку на интернет-технологии [Хилханова, 2019; Pischlöger, 2010].

Примечательно, что, несмотря на актуализацию этничности в инокультурной среде, стратегии речевого поведения у российских мигрантов остаются те же, что и в России: общая позитивная оценка и личная позитивная оценка. Во втором случае важно отметить отличие механизма «возврата» к Я1 у мигрантов и у тех, кто живет в России, даже если они принадлежат к одной этнической группе.

В России, стране исхода, где этнические языки существуют в среде компактного проживания этнической общности, действует механизм, прекрасно описанный Н.Б. Вахтиным: сначала язык приносится в жертву успеху и вертикальной мобильности и этническая общность зачастую не отдает себе отчета в том, что их язык находится под угрозой исчезновения. Затем, когда масштабы утраты языка осознаются этническим сообществом, начинаются сожаления и критика молодежи, «забывшей язык предков». При этом старшее поколение предпочитает не вспоминать о том, что отказ говорить с молодыми на титульном языке был их собственным решением, во многих случаях добровольным, что именно в результате этого отказа язык не был передан младшему поколению в полном объеме и что такое поведение объяснялось мотивами, казавшимися им самим в то время вполне разумными [Вахтин, 2001: 255–256]. Затем следуют призывы возродить язык и реальные попытки отдельных энтузиастов сделать это. И, наконец, усилия по возрождению языка могут приобрести массовый масштаб, чего, правда, в России мы пока не наблюдаем.

Конечно, следует иметь в виду, что это очень обобщенная схема, без учета региональной специфики, разной степени сохранности языков, юридического статуса языков и других социолингвистических характеристик. Логика упадка и возрождения этнических/миноритарных языков России в контакте с доминирующим русским языком представлена в ней с лингвоантропологической точки зрения, т. е. в фокусе внимания находится не государство и его языковая политика, а люди, составляю-

щие данные этнические общности.

За рубежом, в ситуации дисперсного проживания представителей изучаемой группы в инокультурной среде, данная схема не может работать. Малое количество мигрантов из национальных регионов России — бурят, якутов и т. д. — не позволяет ее членам создавать этнические диаспоры и поддерживать (по крайней мере, на постоянной основе) свою культуру, как это делают более крупные этнические группы из стран бывшего Советского Союза, такие, как армяне или евреи. Поэтому стимулом «возврата» к Я1 служат другие факторы: периодически доводимое до сведения инофора несоответствие его внешнему этническому стереотипу россиянина/русского (см. примечание выше). Любая стереотипизация — это упрощение; более того, поскольку «этнический стереотип — это форма стереотипа, выраженного в культурной традиции и ориентированного в прошлое» [Миньяр-Белоручева, Покровская, 2019: 91], изменения на политической карте мира, миграционные и глобализационные процессы слабо отражаются в массовом обыденном сознании, и оно оперирует застывшими, почти архетипичными образами, в которых этническая картина мира зафиксирована в упрощенном виде, например:

Ж., 48 лет: «Со мной все сейчас говорят в Берлине, в Германии на английском языке. Думают, что я турист. Китайский или японско-корейский турист. И все, больше никаких ... дальше фантазий нет».

Под влиянием вопросов и комментариев на тему «Ты/Вы откуда?» у инофора актуализируется интерес к своей этничности. Однако, как уже говорилось выше, актуализация этничности не обязательно предполагает интерес к этническому языку. Соответственно, есть люди, которые начинают учить или улучшать свое знание Я1, и есть люди, которые вполне комфортно чувствуют себя в рамках «символической этничности» (понятие, введенное Гансом [Gans, 1979; Gans, 2010: 123]) и применяемое ко многим группам иммигрантов), которая предполагает, что этническая принадлежность вполне может сохраниться на символическом уровне без какой-либо социальной или культурной поддержки, включая и язык.

4. Русский язык (Я2) и его функции в миграционном контексте

Относительно Я2 (русского языка) полученные мной эмпирические данные позволяют сделать два основных теоретических вывода: 1) о «второй жизни» советской концепции русского языка как языка межнационального общения и 2) о выполнении им функций *inner language* — языка, используемого для «внутренних» целей в отличие от *outer language* — языка, используемого для «внешних целей», каковым является ЯЗ-п.

4.1. Вторая жизнь советской концепции языка межнационального общения за рубежом

Как уже говорилось, Я2 — один из языков в многоязычном «багаже», с которым нерусские мигранты из бывшего СССР выезжали из страны. Мои данные подтвердили данные, полученные другими исследователями о том, что для иммигрантов

первого поколения русский язык играет роль коллективного объединителя иммигрантского сообщества, и его прагматическая ценность схожа с той, какой он обладал в странах бывшего Советского Союза. Тем самым в ситуации миграции советская концепция русского языка как языка межнационального общения получает «вторую жизнь».

«Вторая жизнь» этой концепции несколько отличается от «первой», советской идеологической концепции, которая была сформулирована и проводилась «сверху» и фиксировалась в таких официальных документах, как, например, Программа КПСС [Программа..., 1961]. Несмотря на критику, которой подверглась эта и другие идеологические концепции советского периода после распада СССР, следует признать, что советские идеологи преуспели в создании «новой исторической общности — советского народа», при котором «объективно возрастает роль русского языка как языка межнационального общения в строительстве коммунизма, воспитании нового человека» [Федосеев, 1981: 32]. В миграционном и постсоветском контексте эта концепция лишается, конечно же, идеологической подоплеки и реализуется «снизу», движимая экономическими, символическими, ностальгическими и идентификационными мотивами.

Под экономическим мотивом мы имеем в виду использование русского языка (русскоязычных сетей общения) при трудоустройстве, поиске ниши для бизнеса или решении каких-либо бытовых проблем. В. Яспер упоминает возникновение «русских анклавов», «этнических колоний», в которых иммигранты концентрируются и выстраивают собственные коммуникационные пространства, культурные сети и собственный «серый рынок труда» [Цит. по: Попков, 2016: 80]. Активные иммигранты обнаруживают в приписываемом им извне лейбле «русские» формулу своего делового успеха. Русский язык оказывается центральной категорией групповой идентичности постсоветских мигрантов и включается в концепцию производства [Дариева, 2000]. Эти процессы также могут быть описаны в терминах коммодификации русского языка [о русском языке как commodity см., например: Muth, 2017].

4.2. *Inner language vs outer language*

Согласно полученным данным, в речевых практиках мигрантов дифференцируется язык, который нужен для «внешних» целей (работы, трудоустройства, общения с коллегами), и язык, используемый для «внутренних» целей (общения с родственниками, друзьями и вообще с теми, с кем люди общаются по доброй воле, а не по профессиональной или иной необходимости). Эти два функциональных варианта языка мы обозначили терминами *inner language* и *outer language* ('внутренний' и 'внешний' язык). По идее, функцию *inner language* должен выполнять Я1 (этнический язык), но возможностей для реализации у Я1 меньше, чем у Я2. Этому мешает целый ряд факторов: во-первых, мигранты, являющиеся продуктами советской языковой политики, зачастую не владеют Я1, во-вторых, важен фактор партнера: если партнер иностранец, не знающий Я1 или Я2, тогда Я2 как *inner language* реализуется с друзьями, с коллегами, коллегами-друзьями,

родственниками, соотечественниками, но реализуется непременно. Именно этот факт — более широкий диапазон реализации: не только дома, но и вне его — заставляет нас предпочесть этот термин термину *home language*. Я1 как *inner language* реализуется реже и по известной социолингвистической схеме: с родителями, представителями старшего поколения, родственниками и друзьями, выросшими в деревне и т. д. Функцию *outer language* выполняет ЯЗ-п.

Такое распределение функций между языками, конечно же, не носит абсолютный характер: функции подвижны и динамичны, например, с течением времени, особенно если партнер не владеет Я1 или Я2, ЯЗ может начать выполнять функцию *home language*. Но это не значит, что он может заместить Я2 в функции *inner language*: для мигрантов первого поколения эта функция русского языка, поддерживаемая транснациональными связями, является константной.

Целесообразность введения терминов *inner language* и *outer language* обусловлена также тем, что особенности использования многоязычного репертуара мигрантами из бывшего СССР не могут быть описаны с помощью устоявшихся в социолингвистике терминов *domain* ('домен' или 'домейн') и *diglossia* ('диглоссия'), с которыми они, тем не менее, частично пересекаются. По Ч. Фергюсону, диглоссия — это «относительно стабильная языковая ситуация, в которой, помимо основных диалектов языка <...>, существует еще один, отличающийся от них, высоко кодифицированный (часто грамматически более сложный), занимающий более высокое положение вариант языка, на котором написан обширный и высоко оцениваемый корпус письменной литературы <...>, который усваивается в основном посредством формального образования и используется для большинства письменных и формальных устных целей, но никогда не используется никакой частью сообщества для обычного разговора» [Ferguson, 1959]. Соответственно, диалекты оцениваются языковым сообществом как менее престижные варианты (low), а кодифицированный вариант языка — как более престижный (high) [Там же].

Ситуация с многоязычными мигрантами более сложна. В нашем случае мы не можем квалифицировать ЯЗ-п как более престижный вариант, а Я2 — как менее престижный. И тот и другой являются достаточно формализованными литературными языками, оба могут использоваться как в официально-деловой, так и в бытовой сфере. ЯЗ-п и Я2 также не могут быть «разведены» по параметру «усвоение через систему формального образования vs. усвоение естественным путем» хотя бы потому, что Я2 усваивался как естественным путем, так и через систему образования. Таким образом, соотношение функций, выполняемых Я2 и ЯЗ-п, мы можем описать только через понятия *inner language* и *outer language*.

В какой-то степени понятие диглоссии применимо к речевому поведению мигрантов, если сопоставить Я1 и ЯЗ-п, но и здесь миграционная ситуация вносит коррективы в «классическое» понимание диглоссии: Я1 и ЯЗ-п «разведены» пространственно, ибо, как правило, Я1 используется для общения с родителями, родственниками и друзьями, оставшимися на родине. В большей степени диглоссные взаимоотношения связывают Я1 и Я2, тем более если иметь в виду то, что понятие диглоссии Фергюсона

отражает соотношение диалектов и имеющего официальный статус наддиалектного литературного языка внутри страны. Однако изменившееся в последние десятилетия отношение к этническим языкам во всем мире размывает и такой диглосный параметр, как престиж, причем как в стране исхода, так и за рубежом. Поэтому, если мигранты не используют Я1, это объясняется не низким престижем языка, а другими факторами: собственной недостаточной языковой компетенцией, отсутствием знающих язык собеседников, инерцией речевого поведения и т. д.

Введенное Дж. Фишманом понятие *domain* обозначает сферы (зоны, области) функционирования языка, которых он выделяет пять: семья, друзья, религия, образование и занятость (*family, friendship, religion, education, and employment*) [Fishman, 1972]. В традициях российской социолингвистики эквивалентом данному понятию является понятие социально-коммуникативная сфера (СКС), или сфера общения: образование, наука, культура, массовая коммуникация, промышленное производство, торговля, религия и т. д. [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. Как пять *domains* Фишмана, так и более многочисленные СКС — слишком дробная и нерелевантная для нашего случая категория, ведь очевидно, что в другой стране «чужой» язык может функционировать только в ограниченном количестве сфер общения. Описание функционирования языков в разных СКС выходит за рамки данной статьи, к тому же в терминах *inner language* и *outer language* лучше отражено то, что «внутренний язык» является фактически языком родины, выполняя символическую и ностальгическую функции.

В завершение данного параграфа следует сказать о том, что понятия *inner language* и *outer language* рассматривались в основном на примере мигрантов из российской части бывшего СССР. Что касается казахских мигрантов, сведения о языковой ситуации в современном Казахстане и владении казахским и русским языками, полученные как от наших информантов, так и из научной литературы [Султан и Сабирова, 2018], свидетельствуют о том, что функцию *inner language* иммигрантов из Казахстана выполняют два языка: казахский и русский, т. е. Я1 и Я2. Тем самым данные нашего исследования еще раз подтвердили решающую роль национальных государств в витальности языка.

5. Заключение и выводы

В целом можно сказать, что мигранты первого поколения из стран бывшего СССР, помимо «экспорта» своего лингвистического репертуара, экспортируют и сформировавшиеся в родной стране взаимоотношения между Я1 (этническим языком) и Я2 (русским языком). К таким взаимоотношениям следует отнести то, что, как и в стране исхода, так и за рубежом Я1 удовлетворяет потребность в идентичности, а Я2 — потребность во взаимопонимании (термины были введены В.М. Алпатовым [Алпатов, 2000]).

Жизнь в другой стране, однако, неизбежно трансформирует уже имеющиеся и порождает новые функции и значения Я1 и Я2. Потребность во взаимопонимании даже увеличивается, что ведет к росту значимости Я2 как понятного всем языка

межнационального общения, источника общих символов и хранителя общей исторической памяти. Поэтому важнейшей функцией Я2, на наш взгляд, является его функция *inner language* — языка, используемого для «внутренних» целей — общения с людьми, которые разделяют эти ценности и общее прошлое. Этничность при этом отодвигается в сторону как ситуационно нерелевантная. Другая важная функция Я2 связана с тем, что установление связей с соотечественниками и в целом с выходцами из бывшего СССР не только удовлетворяет вышеописанные потребности мигрантов, но и представляет собой серьезный экономический ресурс, превращая русский язык в *commodity*.

Я1 (этнический язык) также выполняет функцию *inner language* среди той группы информантов, которая владела им, но чаще в дистанционном формате — с родителями, родственниками, друзьями, оставшимися на родине. Высокий уровень образования в исследованной группе также способствует формированию ими связей за пределами своей этнической группы, что автоматически исключает использование Я1. Такая же закономерность была подмечена В.Д. Попковым, который писал, что «важной характеристикой группы можно назвать сочетание высокого образовательного уровня с наличием работы на немецком рынке труда, что заметно отличает россиян от остальных русскоязычных групп» [Попков, указ. соч.: 328]. (Под остальными группами автор имеет в виду «русских немцев» и «русских евреев»).

Среди невладеющей Я1 группы мигрантов, если происходит актуализация этничности в инокультурной среде, делаются попытки символической, реже — практической активации Я1. В первом случае мигрант начинает учить хотя бы отдельные слова, во втором — делает более серьезные попытки (дистанционные уроки и т. д.).

В заключение следует сказать, что за рамками статьи остался ряд интересных вопросов: динамика функций Я3-н, связь языка и идентичности, миграции и гендерной принадлежности и т. д. Эти темы будут затронуты в последующих публикациях.

Литература

Алпатов В.М. (2000) 150 языков и политика. 1917–2000: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Краф. 224 с.

Алпатов В.М. (2013) Языковая политика в современном мире. Научный диалог. № 5(17): Филология. С. 8–28.

Вахтин Н.Б. (2001) Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига. СПб.: ДБ. 337 с.

Гловинская М.Я. (2004) Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции. Русскоязычный человек в иноязычном окружении. *Slavica Helsingiensia*, 24. Отв. ред.: А. Мустайоки, Е. Протасова. Хельсинки. С. 13–20.

Дариева Ц. (2000) Манипулирование идентичностью: взгляд на русскоязычную прессу в Берлине. Этничность и экономика в постсоциалистическом пространстве. Материалы международного семинара. Отв. ред.: О. Бредникова, В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб. Режим доступа: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_darieva.htm. (Дата обращения 05.07.2020).

Интеллектуальная миграция в современном мире: учебное пособие (2014). Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет. 253 с.

Кондратьева Т.С., Новоженова И.С. (2006) Иммигранты в Европе: модели интеграции. Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 9–59.

Кресс Э. (1995) Российские немцы или немецкие россияне на историческом перекрестке культур и языков. М.: Московская ассоциация лингвистов-практиков. 79 с.

Лурье С.В. (1999) Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика. Общественные науки и современность. № 4. С. 101–111.

Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. (2012) Этнические стереотипы в современном языковом пространстве. Национальный психологический журнал. № 2 (8). С. 90–94.

Попков В.Д. (2016) Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии. Франкфурт-на-Майне: Посев. 484 с.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII Съездом КПСС (1961).

Русский мир в меняющемся мире (2018) Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН. 402 с.

Словарь социолингвистических терминов (2006) Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах (2019). Отв. ред.: Е.И. Филиппова, С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, Горячая линия–Телеком. 260 с.

Султан Д.С., Сабирова Д.Р. (2018) Современная языковая политика в Республике Казахстан. Казанский вестник молодых ученых. Традиции и инновации в методике преподавания иностранных языков. Т. 2. № 5 (8). С. 60–62.

Тишков В.А. (2019) Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик). Полис. Политические исследования. №3. С. 127–144.

Федосеев П.Н. (1981) XXVI съезд КПСС и актуальные задачи развития общественных наук. Вестник АН СССР. № 11. С. 24–41.

Хилханова Э.В. (2019) Витальность и перспективы миноритарных языков: оценочно-прогностические теории и grassroots movements в цифровую эпоху. Языки в полиэтничном государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Материалы Международной конференции «Языки в полиэтничном государстве: развитие, планирование и перспективы» (Улан-Удэ–Горячинск, 1–4 июля 2019). С. 233–237.

Хилханова Э.В. (2009) Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии): дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Барнаул.

Юхнева Н. (1999) Между традиционализмом и ассимиляцией (о феномене русского еврейства). Диаспоры, № 1. С. 160–178.

Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты (2001) Отв. ред. Е.А. Земская. М. Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах. 496 с.

Anstatt, T. (2012) In zwei Sprachen zu Hause: Slavisch-deutsche Mehrsprachigkeit im Ruhrgebiet. LWL-Industriemuseum / D. Osses (eds.) 2012: Nach Westen. Zuwanderung aus Osteuropa ins Ruhrgebiet.

Bartels, N. (2006) *Symbol misslungener Integration? Zurethnischen Kolonie russland deutscher Migrantinnen und Migranten in Lahr.*, Marburg: N.G. Elwert Verlag.

Ben-Rafael, E., Lyubansky, M., Glöckner, O., Harris, P., Israel, Y., Jasper, W., Schoeps, J. (2006) *Building a Diaspora. Russian Jews in Israel, Germany and the USA.* Lieden, Boston: Brill.

Besters-Dilger, J. (2013) *Russian in Germany – intermediate results on L1 attrition.* Moser, Michael, Polinsky, Maria (eds): *Slavic languages in migration.* Vienna (LIT), pp. 189–203.

Buehler, H. (2005) *The invisible German immigrants of the 21st century: assimilation, acculturation, americanization.* Ed.D. dissertation, University of San Francisco, United States–California.

Dietz, B. (1999) *Ethnic German immigration from Eastern Europe and the former Soviet Union to Germany: the effects of migrant networks.* IZA Discussion Paper, No. 68. November.

Ferguson, C.A. (1959) *Diglossia.* Word. Vol. 15, pp. 325–340.

Fishman, J.A. (1972) *Language in sociocultural change.* Essays by Joshua A. Fishman, selected and introduced by Dil Anwar S. California: Stanford University Press, pp. xvi+376.

Gans, H.J. (1979) *Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America.* *Ethnic and Racial Studies.* № 2.

Gans, H.J. (2010) *Reflections on symbolic ethnicity. A response to Y. Anagnostou.* *Ethnicities* Issue 9 (1), pp. 123–130.

Isurin, L. (2011) *Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change.* Berlin. New York: Mouton de Gruyter. 249 p.

Muth, S. (2017) *Russian language abroad: viewing language through the lens of commodification.* *Russian Journal of Linguistics.* Issue 21(3), pp. 463–492. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492.

Pischlöger, C. (2010) *Udmurtness in Web 2.0: Urban Udmurts resisting language shift.* *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* Band. Hamburg: Helmut Buske Verlag, pp. 143–161.

Smolicz, J., Secombe, M. (1988) *Community languages, core values and cultural maintenance: the Australian experience with special reference to Greek, Latvian and Polish groups.* *Australia, Meeting Place of Languages.* Ed. by M. Clyne. Canberra, Australia: Australian National University, Pacific Linguistics, pp. 11–38.

References

Alpatov, V.M. (2000) *150 yazykov i politika. 1917–2000: Sotsiolingvisticheskiye problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva.* Moscow: Kraft. 224 p. (in Russ.).

Alpatov, V.M. (2013) *Yazykovaya politika v sovremennom mire.* *Nauchnyy dialog.* Issue 5(17): *Filologiya*, pp. 8–28. (in Russ.).

Vakhtin, N.B. (2001) *Yazyki narodov Severa v XX veke: ocherki yazykovogo sdviga.* Saint Petersburg. 337 p. (in Russ.).

Glovinskaya, M.Ya. (2004) *Obshchiye tipy izmeneniy v yazyke pervogo pokoleniya emigratsii. Russkoyazychnyy chelovek v inoyazychnom okruzenii.* *Slavica Helsingiensia*, 24. Ed. by A. Mustayoki, Ye. Protasova. Khel'sinki, pp. 13–20. (in Russ.).

Dariyeva, TS. (2000) *Manipulirovaniye identichnost'yu: vzglyad na russkoyazychnuyu pressu v Berline. Etnichnost' i ekonomika v postsotsialisticheskom prostranstve.* *Materialy*

mezhdunarodnogo seminaru. Ed. by O. Brednikova, V. Voronkova, Ye. Chikadze. Saint Petersburg. Available at: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_darieva.htm. Access date 05.07.2020. (in Russ.).

Intellektual'naya migratsiya v sovremennom mire: uchenoye posobiye (2014). Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: MGIMO University. 253 p. (in Russ.).

Kondrat'yeva, T.S., Novozhenova, I.S. (2006) Immigranty v Yevrope: modeli integratsii. Aktual'nyye problemy Yevropy. № 1, pp. 9–59. (in Russ.).

Kress, E. (1995) Rossiyskiye nemtsy ili nemetskiye rossiyane na istoricheskom perekrestke kul'tur i yazykov. Moscow: Mosk. assots. lingvistov-praktikov. 79 p. (in Russ.).

Lur'ye, S.V. (1999) Natsionalizm, etnichnost', kul'tura. Kategorii nauki i istoricheskaya praktika. Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. № 4, pp. 101–111. (in Russ.).

Min'yar-Belorucheva, A.P., Pokrovskaya, M.Ye. (2012) Etnicheskiye stereotipy v sovremennom yazykovom prostranstve. Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal. № 2 (8), pp. 90–94. (in Russ.).

Popkov, V.D. (2016) Pokidaya predely etnichnosti. Postsovetskaya emigratsiya v Germanii. Frankfurt am Main: Posev. 484 p. (in Russ.).

Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuzu. Prinyata XXII S»yezdom KPSS (1961) (in Russ.).

Russkiy mir v menyayushchemsya mire (2018) Ed. by G.A. Komarova. Moscow: IEA RAN. 402 p. (in Russ.).

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov (2006) Ed. by V.Yu. Mikhal'chenko. Moscow. 312 p. (in Russ.).

Smert' yazyka – smert' naroda? Yazykovyye situatsii i yazykovyye prava v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh (2019) Ed. by Ye.I. Filippova, S.V. Sokolovskiy. Moscow: IEA RAN, Goryachaya liniya–Telekom. 260 p. (in Russ.).

Sultan, D.S., Sabirova, D.R. (2018) Sovremennaya yazykovaya politika v Respublike Kazakhstan. Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh. Traditsii i innovatsii v metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov. Vol. 2, № 5 (8), pp. 60–62. (in Russ.).

Tishkov, V.A. (2019) Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v Rossii (reviziya kategoriy i praktik). Polis. Politicheskiye issledovaniya. №3, pp. 127–144. (in Russ.). DOI:10.17976/jpps/2019.03.08.

Fedoseyev, P.N. (1981) XXVI syezd KPSS i aktual'nyye zadachi razvitiya obshchestvennykh nauk. Vestnik AN SSSR. № 11, pp. 24–41. (in Russ.).

Khilkhanova, E.V. (2019) Vital'nost' i perspektivy minoritnykh yazykov: otsenочно-prognosticheskiye teorii i grass roots movements v tsifrovuyu epokhu. Yazyki v polietnicheskom gosudarstve: razvitiye, planirovaniye, prognozirovaniye. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Yazyki v polietnicheskom gosudarstve: razvitiye, planirovaniye i perspektivy» (Ulan-Ude–Goryachinsk, 1–4 iyulya 2019), pp. 233–237. (in Russ.).

Khilkhanova, E.V. (2009) Faktory yazykovogo sdviga i sokhraneniya minoritnykh yazykov: diskursnyy i sotsiolingvisticheskiy analiz (na materiale yazykovoy situatsii v etnicheskoy Buryatii): diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Barnaul. (in Russ.).

Yukhneva, N. (1999) Mezhdum traditsionalizmom i assilyatsiyey (o fenomene russkogo yevreystva). Diaspory № 1, pp. 160–178. (in Russ.).

Yazyk russkogo zarubezh'ya: Obshchiye protsessy i rechevye portrety (2001) Ed. by

Ye.A. Zemskaya. Moscow–Vena: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskiy al'manakh. 496 p. (in Russ.).

Anstatt, T. (2012) In zwei Sprachen zu Hause: Slavisch-deutsche Mehrsprachigkeit im Ruhrgebiet. LWL-Industriemuseum / D. Osses (eds.) 2012: Nach Westen. Zuwanderung aus Osteuropa ins Ruhrgebiet.

Bartels, N. (2006) Symbol misslungener Integration? Zurechnen Kolonie russland deutscher Migrantinnen und Migranten in Lahr., Marburg: N.G. Elwert Verlag.

Ben-Rafael, E., Lyubansky, M., Glöckner, O., Harris, P., Israel, Y., Jasper, W., Schoeps, J. (2006) Building a Diaspora. Russian Jews in Israel, Germany and the USA. Lieden, Boston: Brill.

Besters-Dilger, J. (2013) Russian in Germany – intermediate results on L1 attrition. Moser, Michael, Polinsky, Maria (eds): Slavic languages in migration. Vienna (LIT), pp. 189–203.

Buehler, H. (2005) The invisible German immigrants of the 21st century: assimilation, acculturation, americanization. Ed.D. dissertation, University of San Francisco, United States–California.

Dietz, B. (1999) Ethnic German immigration from Eastern Europe and the former Soviet Union to Germany: the effects of migrant networks. IZA Discussion Paper, No. 68. November.

Ferguson, C.A. (1959) Diglossia. Word. Vol. 15, pp. 325–340.

Fishman, J.A. (1972) Language in sociocultural change. Essays by Joshua A. Fishman, selected and introduced by Dil Anwar S. California: Stanford University Press, pp. xvi+376.

Gans, H.J. (1979) Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America. Ethnic and Racial Studies. № 2.

Gans, H.J. (2010) Reflections on symbolic ethnicity. A response to Y. Anagnostou. Ethnicities Issue 9 (1), pp. 123–130.

Isurin, L. (2011) Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change. Berlin. New York: Mouton de Gruyter. 249 p.

Muth, S. (2017) Russian language abroad: viewing language through the lens of commodification. Russian Journal of Linguistics. Issue 21(3), pp. 463–492. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492.

Pischlöger, C. (2010) Udmurtness in Web 2.0: Urban Udmurts resisting language shift. Finnisch-Ugrische Mitteilungen Band. Hamburg: Helmut Buske Verlag, pp. 143–161.

Smolicz, J., Secombe, M. (1988) Community languages, core values and cultural maintenance: the Australian experience with special reference to Greek, Latvian and Polish groups. Australia, Meeting Place of Languages. Ed. by M. Clyne. Canberra, Australia: Australian National University, Pacific Linguistics, pp. 11–38.

Благодарности

Автор благодарит многих людей и организации, которые внесли свой вклад в это исследование. Во-первых, я признательна Немецкой службе академических обменов (DAAD) за финансовую поддержку данного проекта. Во-вторых, полевое исследование было бы невозможно без сотрудничества мигрантов из России и Казахстана. Хотя я не могу назвать здесь их имена, я все же хотела бы побла-

---

годарить всех анонимных информаторов, которые делились своими жизненными историями и искренне отвечали на мои вопросы. И, наконец, я хотела бы выразить свою благодарность профессору д-ру Гюнтеру Шлее, сотрудникам и исследователям Института социальной антропологии им. М. Планка (Германия, г. Галле).

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1. Эл. адрес: erzhen74@yahoo.com

---

Для цитирования: Хилханова Э.В. Многоязычие постсоветской миграции: функциональный аспект [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2020, № 1. С. 63–78.

For citation: Khilkhanova E.V. Multilingualism of post-Soviet migration: functional aspect. Sociolinguistic Studies, 2020, no. 1, pp. 63–78 (In Russ.)
